

Б.Б. ОВЧИННИКОВА,
Е.В. КОПНИНА

МАСКИ И ИХ РОЛЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ НОВГОРОДА

В фондах Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника находится небольшое *собрание кожаных масок* (13 экземпляров)*. Практически все они были обнаружены в процессе археологических исследований в городе, большая их часть — на Неревском и Троицком раскопах.

Новгородские маски не раз привлекались авторами научно-популярных изданий в качестве иллюстративного материала по истории скоморошества, а их происхождение связывалось с зарождением древнерусского театра¹. В работах, посвященных истории русского театра, отмечалось, что скоморохи имели своеобразный реквизит — специальную одежду и маски. Но если упоминания о специальной одежде можно проследить по источникам XII–XIII вв., то каких-либо сведений о *масках*, используемых непосредственно “потешниками” в этот период, нами пока не выявлено. Широкая популярность масок в атрибутике скоморохов проявилась с XVII в., о чем свидетельствуют различные виды источников этой эпохи — челобитные, царские и воеводские указы и др.² Так, в челобитной нижегородских попов (1643 г.) последние сетовали на то, что “игрецы с медвечками и скоморосы с бесовскими оружии... мнятся праздновать ситцевым способом: медвечки с медведи и плясовыми писцами, а скоморосы и игрецы с личинами и с позорными блудными орудими...”³ Во всех подобных источниках наряду с термином “скоморох” встречаются упоминания о “личинах” и “харях”, назначение которых весьма расплывчато. По справедливому замечанию А.Д. Авдеева, занимающегося вопросами происхождения театра, “содержание этих изображений... нуждается в расшифровке путем сравнения с этнографическим материалом”⁴. К этому следует также добавить археологический материал, который поможет заглянуть вглубь веков, к истокам появления кожаных масок на Руси.

История изучения небольшой коллекции новгородских масок невольно подсказала постановку ряда вопросов, касающихся не только их происхождения и датировки, но и принадлежности: кому принадлежали эти маски, кто и с какой целью мог использовать их? Решение этих вопросов, естественно, необходимо осуществлять с привлечением большего количества источникового материала и с большей территории — со всей средневековой Руси. Однако в настоящей статье мы пока лишь ограничимся постановкой проблемы, попытаемся выс-

* Рисунок к статье выполнен Е.В.Копниной

казать свои предположения и сделаем это на базе новгородской коллекции кожаных масок, подробное описание которой содержится в Приложении.

По внешнему виду новгородские маски можно разделить на три типа (см. рис. 1–13): зооморфные, антропоморфные и смешанного типа, т.е. те, которые могут изображать как животного, так и человека, или вообще мифическое существо. В этом случае к маске могли пришиваться “борода”, “усы”, “брови”.

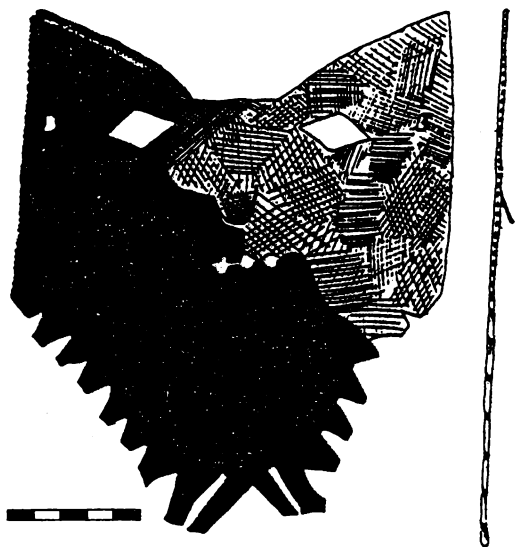
Признаком, позволяющим выделить *зооморфные* маски, является наличие у них “ушек”. Таких масок две (№ 1, 2). Кроме “ушек”, у одной из них имеется еще и “борода” (№ 1). Эта маска скорее всего прикладывалась к лицу и крепилась с помощью веревочек, о чем свидетельствуют два симметричных отверстия в верхней части личины. Аналогичная ей маска встречена в фондах Тверского краеведческого музея (раскопки 1995 г.). Что же касается второй маски, то крепление ее кардинально отличается от первой. На основании следов, имеющихся с изнаночной стороны маски № 2, можно предположить, что кожа крепилась к деревянной основе с рукояткой и приставлялась к лицу, как в греческом или восточном театре. Вероятно, эти зооморфные маски могли служить для изображения не какого-то конкретного животного, а скорее выступали в качестве собирательного образа.

Выделение *антропоморфных* масок было продиктовано наличием двух масок (№ 3, 4): ярко выраженная маска № 3 представляет смеющуюся человеческую физиономию, углы рта высоко подняты, зубы намечены зигзагообразной линией⁵. Вторая маска сохранилась фрагментарно и имеет по краям следы от прошивок (№ 4).

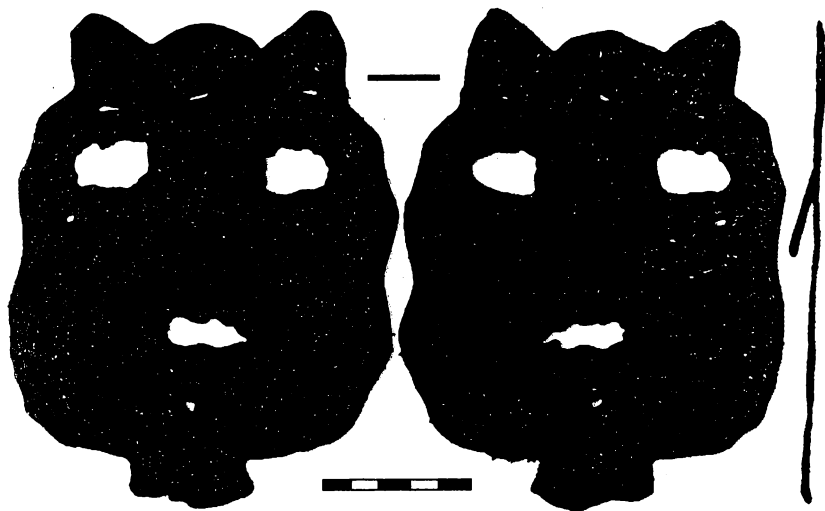
Большинство масок отнесено к *смешанному* типу (№ 5–13), т.к. руководствуясь одним лишь внешним видом личин сложно определить, изображали ли они человека или мифическое существо. Внутри этого типа их можно разделить на группы по наличию или отсутствию цвета. Те маски, на которых сохранились следы краски скорее всего служили для изображения солярного символа, о чем говорит и рисунок на одной из них, и характерные красно-желтые цвета (№ 5, 6). Что же касается остальных личин, то их также можно разделить на группы, но в этом случае определяющим признаком будет наличие или отсутствие прошивок. Чаще всего прошивки встречаются по краям маски; в некоторых случаях это очень ровная строчка с мелкими дырочками (№ 9, 11), находящимися на равном расстоянии друг от друга. С другой стороны, на отдельных личинах отверстия, которые можно принять за следы прошивки, выполнены очень неаккуратно, скорее схематично. Возможно, в этих случаях в отверстия что-то вставлялось. В отношении масок без прошивок сложно однозначно говорить, кого они изображали.

В этом плане возникает вопрос об использовании и назначении личин-масок. Как уже отмечалось выше, распространенной является точка зрения, что в Новгороде маску использовали скоморохи. Чтобы подтвердить или опровергнуть это мнение, необходимо выяснить, кого подразумевают современные исследователи под понятием “скоморох” и какие социокультурные функции он выполнял. Термин “скоморох” пришел на Русь с первыми переводами с греческого на древнеславянский язык. Заметим, что до конца XIII в. русскими авторами он практически не употреблялся. В более поздних источниках “скоморохи” представлены как главные заводилы на свадьбах, новгородских братчинах, боярских и княжеских пирах и прочих празднествах. По мнению Б.А.Рыбакова, родословная скоморохов возводится к древнейшим языческим культам и обрядам, главными создателями, организаторами и хранителями которых были волхвы⁶. В честь языческих богов разыгрывались целые театральные “действия” с ритуальными танцами, ряжением и использованием масок. На связь скоморохов и волхвов указывает большинство исследователей. Некоторые из них прямо говорят о том, что скоморохи — это переродившиеся волхвы, а главная сфера их первоначальной деятельности — обряды, связанные с ритуальным смехом. Однако такая точка зрения вызывает некоторое недоумение: считая наиболее важными для появления скоморохов обряды с развитым ритуальным смехом, она почти не принимает в расчет обрядовые “действия” и празднества, связанные с производственной деятельностью, со сменой времен года и т.д. Кроме того, большая часть документов, дающая нам сведения о скоморохах, не называет их и при описании обрядов типа поминальных и похоронных. Безусловно, полностью исключить вариант использования ими масок для увеселения народа в этот ранний период мы не можем, но в то же время пока нет ни одного факта, прямо подтверждающего эту гипотезу.

Более того, внешний вид маски в большинстве случаев мог скорее напугать, чем насмешить, что противоречит общепринятому представлению об увеселительной роли скоморохов. Скомороху для общения с миром не требовалось от него закрываться, скорее наоборот, и поэтому ему была нужна живая мимика. Театр скоморохов был “открытым” театром представлений, а не перевоплощений. Его артисты не перевоплощались в других персонажей, а играли “от себя”. Свою узнаваемость они как бы подчеркивали еще и тем, что не имели сцены, грима, декораций. Не было у них и канонического письменного текста представлений, он был анонимным, существовал в вариантах, подчас с ненормативной лексикой, и передавался только изустно. Скоморохи являлись незыменными заводилами на всех праздниках, отличаясь особым профессионализмом. Не случайно в народе говорили: “Всяк спляшет, да не как скоморох”. Но это уже в более поздний период. Во времена же XII–

№ 1. Зооморфная маска с "ушками" и "бородой"

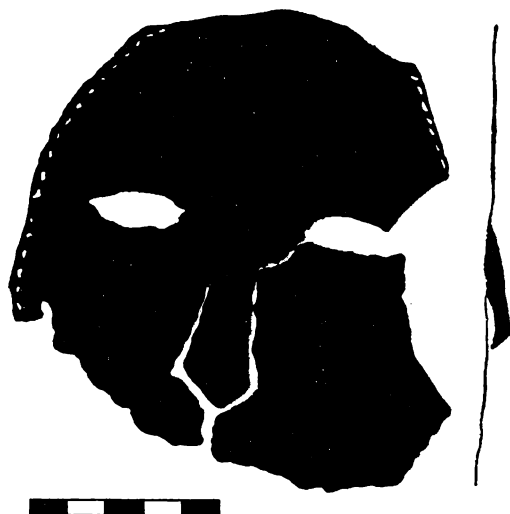

№ 2. Зооморфная маска с "ушками"

XIV вв., в слоях которых обнаружены маски, русские источники подобных им “потешников” называли обычно по тому виду инструмента, на котором он играл (“гусельник”, “гудец”, “сопельник”, “бубенник”), или по тем функциям, которые он выполнял. Сложно представить, что человек в маске, зачастую чем-нибудь еще и обшитой, в специальном костюме, мог бы плясать, петь и вести тот подвижный образ жизни, который он олицетворяет. Не случайно существует мнение, что в XII–XIV вв. “потешники” не носили масок вообще, поскольку это не соответствовало их социокультурным функциям⁸. Следовательно, отождествлять новгородские маски со скоморошьями было бы неверно. Значит, кожаные маски из слоев XII–XIII вв., найденные в Новгороде, свидетельствуют вовсе не о всплеске скоморошества и театрального искусства, как это признавалось ранее. Может быть, следует обратить внимание на факт увеличения роли в этот период другой социальной группы, с которой ряд исследователей связывает происхождение скоморохов, — *волхвов*. Встречаются сведения и о том, что в процессе обряда они закрывали лицо маской для общения с потусторонним миром, с миром предков.

До принятия христианства, на всей территории Руси волхвы занимали определенное место в социальной жизни общества. Кроме того, что они были основными отправителями культа, волхвы занимали и особое политическое положение в обществе, обладая определенным авторитетом. Возникает вполне закономерный вопрос: на чем был основан этот авторитет — на близости к власти светской (к князю) или на близости к власти мистической (к богам)?

Известно, что язычество у восточных славян имело два основных периода развития. Первому, наиболее раннему, были свойственны верования тотемно-анимистического содержания, поклонение упырям и берегиням, зооморфным божествам, камням, деревьям, ручьям и т.д. Второй период характеризовался почитанием антропоморфных богов, к числу которых относились Перун и другие боги “*владиминова пантеона*”⁹. Время перехода от первого этапа ко второму совпало с началом процесса социальной дифференциации в восточнославянском обществе. Волхвы выражали религиозное мировоззрение родового строя, т.е. относились к первому этапу язычества, и в этом смысле были пережитком в условиях Древней Руси, когда авторитет завоевывался умением входить в контакт с потусторонними силами. Одним из доказательств этого, может служить этимологическая связь слова “*волхв*” со словом “*волшебство*”, “*волшебный*”. В этот период в магических обрядах вполне могли использоваться маски. Однако проблема состоит в том, что ни в Новгороде, ни в Новгородской области не зафиксировано ни одной маски, датируемой ранее X в. Самая древняя из них, обнаруженная в Новгородской области, выполнена из бересты (рис. 14) и относится к концу X — началу XI вв.¹⁰

№ 4. Антропоморфная маска.

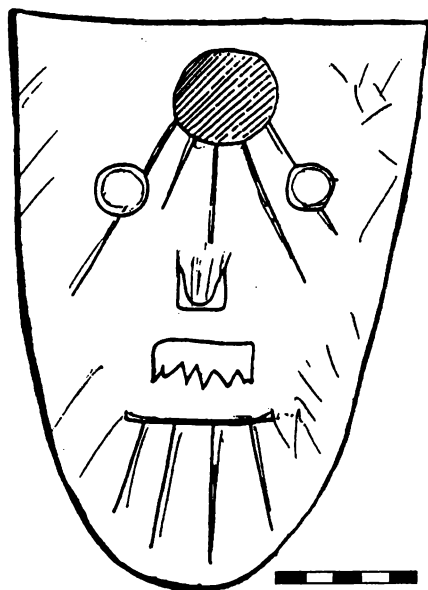
№ 3. Антропоморфная маска.

Существует и другая трактовка термина “волхв”, свидетельствующая о семантической связи слов “обмисхурить”, “объегорить” со словами “обволховать”, “обмануть”, а также с украинским “волшити” — хитрить. По мнению В.В. Иванова и В.Н. Топорова, все эти слова являются производными от слова “волхв”. Кроме того, этимологическая связь между именем Волоса или Велеса и славянским названием “волхв”, позволяет рассматривать волхва как жреца или служителя Волоса. В то же время вышеназванные глаголы сопоставимы с глаголом “свистеть”, “обманывать”¹¹. В народном веровании способность свистеть приписывалась мифическому Змею, т.е. генетическому прототипу Волоса¹². Если подходить к рассмотрению деятельности волхвов с этой позиции, то использование ими масок для перевоплощения вполне вероятно. С другой стороны, мнение о них как об обманщиках, скорее всего формировалось на более позднем этапе, уже после принятия христианства, когда новая вера пустила прочные корни и служители прежних культов начали рассматриваться как пережитки прошлого, не заслуживающие доверия.

Известно, что смена периодов была не резкой, а постепенной. К тому же это были периоды одной естественно развивающейся религии. Новые боги не уничтожали прежних, а заменяли их, постепенно вытесняя, но так и не вытеснив их окончательно к моменту принятия христианства.

Над волхвами не тяготела необходимость принимать христианство, и они не принимали его, уже одним этим завоевывая симпатии населения. Сам факт того, что волхвы были представителями древнейшей формы религии, уничтожаемой на глазах простого населения, давал им в глазах народа преимущество. Этим можно объяснить как то, что принятие христианства проходило в целом без заметных эксцессов, так и то, что последующие народные волнения, принимавшие религиозную окраску, вспыхивали под влиянием именно волхвов и даже под их руководством.

О том, что волхвы нередко стояли во главе выступлений, направленных против новой веры, имеются документальные подтверждения. Однако после принятия христианства их роль в обществе принимает скорее политический характер, нежели религиозный. Будучи носителями пережиточных форм первого периода язычества, они уже утратили жреческие функции и не могли иметь никакого серьезного значения при совершении обрядов антропоморфным богам, возглавляемым Перуном. Служители новой религии были достаточно негативно настроены по отношению к волхвам, что отразилось и в летописях. Заметим, что летописи XII–XIV вв. не упоминают о том, что “кудесники” использовали бы в своих ритуалах маски. Источники рисуют нам волхвов, как правило, колдунами, знахарями, шептунами. И

№ 5. Маска с солярным символом.

№ 6. Маска с нанесением цвета в виде полос

даже у тех из них, кто был руководителями восстаний, в качестве основных проступают черты прорицателей, вещунов и т.д. И все же можно согласиться с исследователями, которые доказывают, что волхвы утратили свои жреческие функции, будучи носителями пережиточных форм первого периода язычества. Поэтому ни одна из антропоморфных кожаных масок, найденных в Новгороде, пожалуй, не может быть идентифицирована как маска волхва. Другое дело — зооморфные маски (№ 1, 2) или маски с изображением солярного символа (№ 5,6). Однако маска № 5 с изображением солярного символа датируется концом XIII — началом XIV вв., в это время она не могла принадлежать служителям языческого культа. Вторая маска (№ 6) датируется концом XII в., что позволяет отнести ее к ритуальной. Тем не менее ее назначение в силу плохой сохранности остается неизвестным. Даже если предположить, что в XII в. волхвы еще не утратили свои жреческие функции, то едва ли, преклоняясь перед божеством, они стали бы надевать на себя его личину, а для совершения предсказания в этом не было необходимости. Естественно, сложно определить, кому принадлежали новгородские кожаные маски. Может быть и не стоит углубляться в поиск возможных носителей этих масок, а следует обратить внимание на то, с какой целью и когда могли их надевать.

В связи с этим уместно будет вспомнить о традиционных русских праздниках, на которых главными участниками и исполнителями всегда являлись самые обычные люди. Единственное ограничение, которое, кстати, тоже могло нарушаться — это своеобразный половой и возрастной ценз. Как правило, заводилами были молодые люди. Почти ни в одном из описаний этих праздников или “бесчинств” (по словам служителей церкви) не встречаются упоминания ни о волхвах, ни о скomorохах.

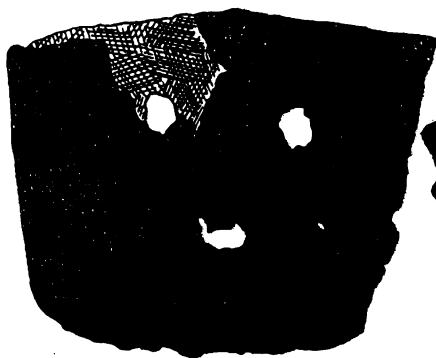
Среди известных гуляний и празднеств эпохи средневековья обозначим лишь те, в которых использование масок было наиболее частым. Оказывается, с “машкированием” можно было встретиться главным образом на Святочной неделе. Этот период начинается с 25 декабря: “Рождество”, “Рождество Христово”, “Святки” празднуются с “гулянками” три дня. “Местами уже со второго — третьего дня Святков по вечерам “машкаруютца” или “бегают нарядчиками””. Следом за святаками идет 1-е января — “Новый год”, он же “Васильев день”¹³. “Новый год... празднуется поголовно и повсеместно. Вечером лица обоего пола от мала до велика, “машкаруются”, т.е. маскируются, кто во что горазд и посещают избы или “бегают нарядчиками” с целью потешить хозяев. В последующие за тем дни производятся обычные работы; но вечерки и маскарады продолжаются с необыкновенным оживлением вплоть до Крещения”¹⁴.

№ 7. Маска смешанного типа

№ 8. Маска смешанного типа

№ 9. Маска смешанного типа

№ 10. Маска смешанного типа

Всем этим праздникам соответствуют так называемые “святочные игры”. Их корни уходят глубоко в древность, не удивительно, что они закрепились в памяти народа. Одной из основных игр, где использовалась маска, которая была типична для Святков, а в другой время не проводилась — это “игра в покойника”. Исследователи сходятся во мнении, что существует тесная связь между этой игрой и культом предков¹⁵. Как один из аргументов они приводят тот факт, что мужчина, изображающий покойника, иногда надевал маску. Так, по наблюдениям Г.К.Завойко выявлено, что “лицо покрывают платком или одевают личину (маску), деревянную долбленную (или из бересты), страшную, неприглядную”¹⁶. Подобный факт отмечен также участниками фольклорной экспедиции Ленинградского института театра, музыки и кинематографии¹⁷. В отличие от большинства игр, где покойнику отведена пассивная роль, известен и тип игрища, в котором ряженные покойниками ходили от избы к избе и при этом вели себя весьма буйно. “Покойниками наряжается не только молодежь, но и женатые мужчины, и притом по несколько человек, так что в избу для посиделок врывается целая артель “покойников””¹⁸.

Описание того, как выглядели маски для “игры в покойника”, очень напоминают новгородские, однако далеко не обо всех новгородских масках можно сказать, что они использовались во время подобной игры.

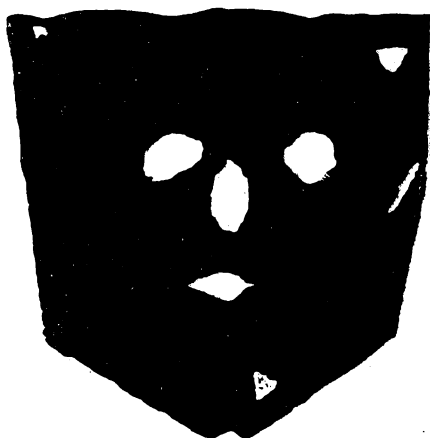
Святочные игры были почти исключительно достоянием холостой молодежи. Игры эти носили очень специфический характер. Маскирование способствовало различным вольностям. Изучение же игр показывает, что их эротический характер имел обрядовое значение. Так же как плодovitость животных в шествии с козой, которую пытались путем совершения обрядов, приписывающего ей заклинательное значение, передать земле, так и человеческую плодovitость пытались перенести на плодородие земли. В этой связи показательна игра “в кузнеца”. Она состояла в том, что парень, изображавший кузнеца, полуголый, в одних портках, с нарисованными на теле пуговицами, хвастает, что умеет “старых на молодых переделывать”. Ряженный старик уходит под полог, изображавший нечто вроде наковальни, сбрасывает маску старика и выходит оттуда подростком¹⁹.

Даже в этих двух играх мы видим, какое значение придавалось маске. *Снятие маски олицетворяло возрождение*; это перекликается и с рядом святочных обрядов, которые направлены на возрождение природы. Вероятно, новгородские кожаные маски могли использоваться в подобных обрядах.

Как показывает ряд источников, участие в подобных игрищах воспринималось как скверна самим народом. Скрытие лица под маской было весьма важным, дабы не быть узнанным. К тому же маска служи-

№ 12. Маска смешанного типа

№ 11. Маска смешанного типа

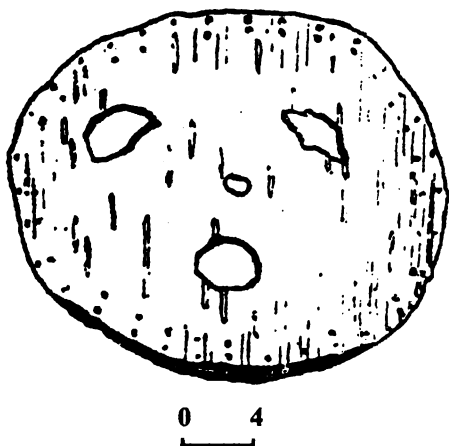
№ 13. Маска смешанного типа

ла своеобразным оберегом. Не случайно после таких праздничных “действ” совершались очистительные обряды. Человек, на время теряющий свой облик, должен был вновь обрести его, возможно, в каком-то обновленном виде. Основная форма такого обряда — купание, омовение, когда “машкирующиеся” совершают его, “несмотря ни на какую суровую погоду, дабы освещенною водою смыть с себя личину беса”²⁰. Именно в этом состояло значение очистительных обрядов, непременно завершающих праздники, в которых участвовали люди в масках.

Приняв в качестве версии использование масок в обрядовых праздничных “действиях”, попытаемся определить, какой тип кожаной маски из новгородской коллекции мог быть включен в тот или иной обряд.

— Зооморфные маски (№ 1,2), вероятнее всего, были задействованы для развлечения публики. Относительно маски № 1 можно сказать, что она олицетворяла животного с “бородой” и могла использоваться в святочные и новогодние праздники с целью воздействия на плодородие. Что же касается маски № 2, то она могла участвовать как в святках, так и в Новый год. Однако нельзя исключить и вариант, который в 1996 г. предложил Ж. Бланкоф на Международном конгрессе в Новгороде²¹. Он атрибутировал именно эту маску как изображающую медведя на медвежьем празднике, подобном тому, который происходит у финно-угорских племен. Но можно предложить и другой вариант. На наш взгляд, пожалуй, более убедительным может быть сравнение маски № 2 с мордой из кошачьей породы, ибо излюбленным мотивом в декоративно-прикладном искусстве новгородцев в XII–XIII вв. были изображение “львов” или “кошек”²².

— Антропоморфные маски (№ 3, 4) привлекались также в Святки и Новый год для развлечения публики. Следы прошивки на маске № 4 еще раз свидетельствуют о дополнительных деталях в оформлении костюма “машкирующегося”.

№ 14. Берестяная маска. Новгородская обл., пос. Луковец, вт. пол. X — начало XI вв. По статье Кудряшова А.В. “Работы Шекснинского отряда в Белозерье”. // АО 1995. М., 1996. С. 56.

— Маски так называемого “смешанного” типа использовались в различных целях и связаны с различными обрядовыми действиями. Маски, изображающие солярный символ (№ 5, 6) скорее всего были задействованы в Новый год с целью воздействия на силы природы. Остальные маски (№ 7–13) могли использоваться во время игрищ — игру в “покойника” или в “кузнеца”, а также во время святочных праздников при хождении по домам для развлечения публики. Судя по четким следам от прошивки (№ 9–11), к ним явно пришивались детали — “волосы” и “борода”, обрамлявшие маску и придававшие более устрашающий вид. Как показывают места крепления, обозначенные на личинах-масках, они привязывались к голове и, вероятно, являлись основной деталью костюма ряженого.

Таким образом, представляется очевидным, что новгородские кожаные маски, большая часть которых датируется XIII в., могут служить весьма интересным и важным источником в процессе изучения древних религиозно-магических обрядов, нашедших отражение в календарных праздниках средневековой Руси и напоминающих карнавалы в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Авдеев А.Д. Происхождение театра. М.; Л., 1959; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.

² Белкин А.А. Русские скоморохи. М., 1975.

³ Челобитная нижегородских попов (1643 г.) / Публ. Н.В. Рождественского // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2; Белкин А.А. Русские скоморохи. С. 171.

⁴ Авдеев А.Д. Происхождение театра.

⁵ Изюмова С.А. Кожевенное и сапоженное ремесла Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65. С. 221.

⁶ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси...

⁷ Торин В.В. Скоморохи в контексте культуры Древнего Новгорода // Новгород в культуре Древней Руси: Мат-лы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995. С. 61.

⁸ Белкин А.А. Русские скоморохи. С. 115–137.

⁹ Мирончиков Л. К вопросу периодизации древнерусского язычества по “Слову Григория” // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 465.

¹⁰ Кудряшов А.В. Работы Шексинского отряда в Белозерье // АО. 1995. М., 1996. С. 56.

¹¹ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 54.

¹² Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 64–65.

¹³ Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Гусев В.Е. От обряда к театру: эволюция святочных игр в покойника // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974; Пронн В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

¹⁶ *Завойко Г.К.* В Костромских лесах по Ветлуге-реке // Тр. Костромского науч. об-ва по изучению местного края: Этнографический сборник. Кострома, 1917. Вып. VIII. С. 38.

¹⁷ *Гусев В.Е.* От обряда к театру... С. 51.

¹⁸ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 302.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть I. Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877. С. 138.

²¹ *Ж. Бланкоф.* Выступление на VI Международном Конгрессе славянской археологии. Новгород, 26–31 августа 1996 г.

²² *Древний Новгород.* Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 63. Рис. 93; *Пухначева Е.Ю.* К вопросу о классификации новгородских художественных изделий из дерева // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 105. Рис. 1–7.

Приложение 1

Каталог кожаных масок конца XII — начала XIV вв. из раскопок в г. Новгороде*

№ 1. Зооморфная маска с “ушками” и “бородой”, выполнена из плотной кожи черного цвета. Около 1/3 утрачено, реставрация выполнена сотрудниками НГМ по аналогии с сохранившейся частью. По кромке левого уха и всей левой стороны до бороды видны следы прошивки.

Способ крепления определить сложно, возможно, она привязывалась, т.к. на уровне глаза с левой стороны есть отверстие. “Глаза”, “нос” в форме клапана и “рот” вырезаны схематично, но четко прослеживаются зубы; 16х28; НГМ (экспозиция). КП 38767/А104-4 (404).

№ 2. Зооморфная маска с “ушками”, выполнена из плотной кожи темно-коричневого цвета. Степень сохранности высокая, Следы щепы и ржавчины на оборотной стороне и небольшие отверстия на уровне лба, под глазами и на уровне подбородка свидетельствуют о том, что маска могла крепиться к деревянной основе с рукояткой. Отверстия “глаз”, “носа” и “рта” вырезаны неаккуратно, отсутствует детальная проработка. “Нос” прорезан в форме клапана; 13х17; Н-91, Тр X, пл. 6, кв. 1171; середина XIII в.; НГМвх1640/32№405; The Archeology of Novgorod, Russ; a. Resent. Results from the town and its Hinterland. Lincoln, 1992. Resent Finds from excavations in Novgorod By Rybina E. P. 183.

№ 3. Антропоморфная маска, “представляет смеющуюся человеческую физиономию, углы рта высоко подняты, зубы намечены зигзагообразной линией”. 13,5х15; Н-, Нер, ярус 13; вторая половина XIII в. ГИМ; *Изюмова С.А.* Кожевенные и сапожные ремесла Новгорода Великого // МИА. М., 1959. № 65. С. 221;

* Описание предметов дается по схеме:

- наименование предмета;
- описание отличительных черт и мест крепления;
- размеры (в см, ширина/высота);
- паспортные данные (местонахождение);
- датировка;
- место хранения и номер;
- место публикации.

Арциховский А.В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. М., 1956. № 55. Рис. 21(1); Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 30. Рис. 27; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1989. С. 666.

№ 4. Антропоморфная маска, выполнена из тонкой черной, достаточно гладкой кожи. Около 1/3 утрачено. По краям четко видны следы прошивки, что может быть свидетельством того, что к личине пришивалось то, что дополняло образ. “Глаза” миндалевидной формы, “нос” выполнен в форме клапана, 12х13; Н-92, Тр. IX, пл. 8, кв. 896, № 36; XIII в.; НГМ; КП/А167.

№ 5. Маска с солярным символом, выполнена из толстой коричневой кожи. Рисунок нанесен белым цветом. “Глаза”, “нос” и “рот” выполнены достаточно аккуратно: “глаза” округлой формы; четко прослеживаются зубы, нос прорезан в виде клапана. Возможно, об этой маске упоминает А.А. Александров, отмечая, что в 1957 г. в Новгороде была найдена расписанная красками маска конца XII в. в виде мужского лица. “На лбу большим красным кругом с желтым ободом вокруг обозначено солнце, испускающее красные, желтые и белые лучи. По обеим сторонам светила драконоподобные существа”. Единственное отличие от реально описываемой маски — это драконоподобные существа. По свидетельству работников НГМ, а также сотрудников НАЭ, маски с драконами никогда не было. И все же если речь идет о Новгороде, то единственной маской с солярным символом является данный экземпляр; 15х21; Н-57; Нер.; конец XII—XIII вв.; НГМ (фонды); Александров А.А. Новгородские маски XII в. и солярный персонаж в сказках северо-запада// Новгород и Новгородская земля: История и археология (тез. науч. конф.). М., 1988. Вып. 2; Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985. С. 31. Рис. 28.

№ 6. Маска с нанесением цвета в виде полос (красный, желтый, оранжевый) под глазами, выполнена из коричневой кожи, часть утрачена. Сохранившаяся часть может представлять собой как верхнюю, так и нижнюю часть маски. Если рассматривать сохранившийся фрагмент как нижнюю часть, то цветные полосы окажутся под глазами. По левому краю и вокруг глазниц видны следы прошивки. Глазницы вырезаны непривычно аккуратно, хотя и имеют странное расположение; 16,7х12,8; Н-91, Тр. IX, пл. 5, кв. 987; конец XIII — начало XIV в.; НГМ X 1640/33 № 406.

№ 7. Маска смешанного типа, выполнена из толстой коричневой кожи, около 1/3 утрачено. По всему контуру видны прошивки. Способ крепления традиционный — вероятно, она привязывалась в находящиеся в верхней части отверстия. Все вырезы выполнены аккуратно: глаза в форме круга; четко прослеживаются зубы; нос вырезан в виде треугольника; 15,4х16,4; Котлован под университетом; XIII—XIV вв.; НГМ кп18573/А36 № 43.

№ 8. Маска смешанного типа, выполнена из кожи черного цвета; сильно повреждена, многочисленные разрывы, обветшалые края, фрагмент справа утрачен. Среди остальных масок выделяется достаточно крупными размерами, отсутствием прошивок и очень тонкой кожей. Крепилась, вероятно, традиционным способом — привязывалась за отверстия, находящиеся в нижней части маски и на лбу. “Глаза”, “нос” и “рот” выполнены очень схематично, детальная проработка отсутствует. Глаза разного размера, выполнены на разном уровне. “Нос”, вероятно, был выполнен в виде клапана, но к настоящему времени утрачен. Во “рту”, с правой стороны внизу, четко прослеживаются зубы; 22х22; Н-79, Тр. V, пл. 7, кв. 341, № 44; первая половина XIII в.; НГМ КП/30975/А70/369; Новгород. М., 1991. С. 100.

№ 9. Маска смешанного типа, выполнена из толстой кожи светло коричневого (охра) цвета. Часть около левого глаза утрачена и реставрирована. По всему периметру видны следы прошивки. Место крепления к лицу на маске не обнаружено. “Глаза”, “нос” и “рот” выполнены очень схематично. “Глаза” неправильной круглой формы. “Нос” маленький, имеет форму клапана. Во “рту”, сверху, схематично намечено то, что можно принять за зубы; 18,2x14,7; Н-58, Нер.; конец XIII—начало XIV в.; НГМ 17654/7.

№ 10. Маска смешанного типа, выполнена из мягкой толстой кожи черного цвета. На коже четко видны складки и следы прошивок по краям. Возможно, что маска была вырезана из голенища сапога. “Глаза”, “нос” и “рот” намечены очень схематично. “Нос” имеет форму клапана. “Рот” похож на щель с одним зубом внизу; 13,5x13; Н-58, Нер.; конец XIII — начало XIV в.; НГМ 17654-1.

№ 11. Маска смешанного типа, выполнена из тонкой коричневой кожи. Отличительной чертой этой маски является то, что прошивки видны не только по периметру, но и вокруг “носа”, а так же вокруг треугольных отверстий (в верхнем правом углу и внизу). Способ крепления традиционный — вероятно, привязывалась. Отверстия “носа”, “рта” и “глаз” достаточно крупные, “глаза” округлой формы. “Нос” в форме вертикального вытянутого овала. “Рот” представляет собой неровное отверстие с заостренными краями; 20,7x20,6; Н-81, Тр. VI, пл. 11, кв. 479; 40–70-е гг. XIII в.; НГМ кп 31696/A76-6; Господин Великий Новгород. Новгород. 1995.

№ 12. Маска смешанного типа. Особенностью этой маски являются три круглых отверстия в верхней части — два по краям и одно на мысике — в центре, — все они могли служить как для привязывания маски, так и для крепления каких-то декоративных элементов. Отверстия “глаз”, “носа” и “рта” выполнены не аккуратно. “Глаза” округлой формы, расположены на разном уровне. “Нос” выполнен в форме клапана. “Рот” вырезан неровно, расположен по диагонали, без зубов; 14x11,5; Н-56, Нер.; ГИМ; Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М. 1989. С. 666.

№ 13. Маска смешанного типа, выполнена из толстой кожи; степень сохранности хорошая. Места крепления, возможно, были по краям верхней части. Благодаря крупным размерам, детали маски четко видны, они выполнены не достаточно аккуратно, во “рту” сверху и снизу прорези; “глаза” круглой формы, расположены на одном уровне; “нос” выполнен в форме клапана треугольной формы; 22x24,3; Н-56, Нер.; ГИМ (?); Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. С. 666.

Сокращения в тексте Каталога:

Н. — Новгород; Тр. — Троицкий раскоп; Нер. — Неревский раскоп; Ил. — Ильинский раскоп.